

УДК [1:316]:167

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

М. В. Демидова

свободный исследователь (г. Энгельс)

demidovamv@rambler.ru

Аннотация. В статье исследованы парадигмальные и социально-коммуникативные аспекты философии языка Л. Витгенштейна. Выявлено преобладание в его научном творчестве рациональной парадигмы, излишне формализовавшей язык. Автором статьи предложено альтернативное решение проблемы: направление изучения языка на основе рекурсивной парадигмы, системного и синергетического подходов. Перспективность рекурсивной парадигмы, развитие которой в современной постнеклассической науке связано с изучением вопросов воспроизводства, функционирования, изменения самоорганизующихся систем, к числу которых относится язык, обусловлена современными достижениями науки. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы, компаративный и системный подходы.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, логика, язык, рекурсия, структура, система, парадигма, мышление.

Для цитирования: Демидова, М. В. (2023). Парадигмальные и социально-коммуникативные аспекты исследования языка в философии Л. Витгенштейна. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 1. С. 41-51. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.41-51

PARADIGMATIC AND SOCIO-COMMUNICATIVE ASPECTS OF LANGUAGE RESEARCH IN L. WITTGENSTEIN'S PHILOSOPHY

M. V. Demidova

Free researcher (Engels)

demidovamv@rambler.ru

Abstract. The article examines the paradigmatic and socio-communicative aspects of L. Wittgenstein's philosophy of language. The predominance of the rational paradigm in his scientific work was revealed, IT formalized the language. The author of the article suggests an alternative solution to the problem: the direction of language learning based on a recursive paradigm, systemic and synergetic approaches. The perspective of the recursive paradigm, the development of which in modern post-nonclassical science is associated with the study of issues of reproduction, functioning, and changes in self-organizing systems. These include the language. The use of the recursive paradigm is conditioned by modern scientific achievements. The methodological basis of the study was made up of general scientific methods, comparative and systematic approaches.

Keywords: L. Wittgenstein, logic, language, recursion, structure, system, paradigm, thinking.

For citation: Demidova, M. V. (2023). Paradigmatic and socio-communicative aspects of language research in L. Wittgenstein's Philosophy. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 1. pp. 41-51. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.41-51

Людвиг Витгенштейн (1889–1951) – австрийский философ и один из основоположников аналитической философии – разработал аналитические методы, которые, по его мнению, можно было бы применить для построения непротиворечивой логической и философской теории.

Поскольку все научное знание зафиксировано в языковой форме, то данную методологию логического анализа в начале XX в. применили неопозитивисты, в связи с чем современные исследователи иногда причисляют Л. Витгенштейна к неопозитивистской традиции. Однако это спорное мнение, т. к. позитивистская традиция в целом ориентирована на решение проблем эмпиризма, а аналитика языка проводилась Л. Витгенштейном преимущественно в рационалистической парадигме, особенно в период развития идей «Логико-философского трактата» [Витгенштейн, 1994, с. 1-73], т. е. на раннем этапе творчества философа. Но все же общий для позитивистов и Л. Витгенштейна момент есть. Он состоит в понимании философии как деятельности по систематизации научного знания, т. е. в ограничении этой науки методологическими функциями: «Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии не “философские предложения”, а достигнутая ясность предложений» [Витгенштейн, 1994, с. 1-73].

Согласно Л. Витгенштейну, источником неэффективности философии является неправильное употребление языка. Это приводит ученых к псевдопроблемам, избавиться от которых можно, если все сложные дескриптивные высказывания перевести в простые, описывающие простейшие единицы опыта. С целью решения этой проблемы Л. Витгенштейн сделал объектом своего исследования язык, структуру которого он пытался выявить с помощью логического анализа.

Классический общенаучный метод – анализ – представляет собой не только процесс разложения объекта исследования на составные части, но и выявление строения (структуры) целого, т. е. установление отношений и связей между частями. В связи с чем для выявления структуры языка Л. Витгенштейн применил метафизический подход, понимаемый в период с начала XX в. и до нашего времени как синтез онтологии и эпистемологии, которые являются взаимосвязанными учениями о структуре и способах познания объекта. Как считают современные исследователи, «потенциал аналитической метафизики напрямую зависит от потенциала ее методологических оснований» [Сухарева, 2022, с. 122], поэтому результаты исследований ученых во многом обусловлены выбором парадигмы как типом построения знания.

Первоначально и на протяжении почти всего исследовательского периода австрийский философ определял понятие «язык» как инструмент отображения действительности. Поэтому все заблуждения в науке Л. Витгенштейн сводил к нарушению норм лингвистической практики. В ходе исследования языка им были выявлены три вида высказываний: логически правильные, нелогичные и бессмысленные, т. е. бессмысленные высказывания могут быть логически истинными. Исходя из данных рассуждений у нас возникают вопросы: 1) как Л. Витгенштейн понимал осмысленность высказываний и 2) какой теории истины он придерживался?

Ответ на первый вопрос находится в изобразительной теории языка, созданной философом для объяснения процесса соотношения языка и мира. Ее суть сводится к изображению логической структуры мира в логической структуре языка. Понимая мир как

«действительность во всем ее охвате» [Витгенштейн, 1994, с. 8], а предложение как «картину действительности» [Витгенштейн, 1994, с. 19], т. е. отражение (или изображение) действительности, в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн на основании отождествления мира с фактами [Витгенштейн, 1994, с. 5] изучал проблему того, что представляет собой мир, а не знание о нем. В связи с этим ответ на вопрос о понимании истины ранним Л. Витгенштейном очевиден – это классическая аристотелевская теория истины, но трансформированная австрийцем на основе логики.

Для позднего периода его творчества, представленного в работе «Философские исследования» [Витгенштейн, 1994], характерно иное трактование и языка, и истины. Логическая структурированность языка стала формальной и дополнилась приоритетными содержательными элементами – эмоциональными, ментальными и другими, отличными от формально-логических. Теперь понимание структуры языка напомнило то, которое предложил Ф. Де Соссюр, выделив внутреннюю и внешнюю стороны языка – означаемое и означающее [Соссюр, 2004]. При этом методология исследования Л. Витгенштейна сменилась с метафизического рассмотрения на герменевтическое, что привело его и к изменению теории языка на индивидуалистическую, согласно которой язык индивидуален и относителен особенностям субъекта познания. Люди могут понимать один и тот же факт по-разному, придавая ему свой смысл. Поэтому «основным тезисом поздней философии Витгенштейна считается замена объяснения описанием» [Целищев, Хлебалин, 2021], т. е. наблюдается переход к исследованию вопросов фактического представления знания. В связи с этим для позднего периода творчества философа характерна релятивистская тенденция в понимании истины.

Скорее всего, Л. Витгенштейн изначально сомневался в позитивистском понимании философии как логической и методологической деятельности, приводящей к отождествлению философии с логикой и приданию ей формального значения, что подтверждают и современные исследования, касающиеся возможностей формального решения философских вопросов [Хлебалин, 2004, с. 6]. Поэтому он поставил вопрос об осмысленных высказываниях. Но все же тем самым Л. Витгенштейн изначально проводил исследования языка в рационалистической парадигме, характерной для начального этапа его творчества. Позже у Л. Витгенштейна более отчетливо и смело проявляется смена парадигмы на эмпирическую, но конкретизация ее вида еще не совсем ясна. Заметно, что она ориентирована на понимание языка не в формально-логическом аспекте, а в аспекте формально-содержательного синтеза, включающего в себя эмоции, чувства, личные ментальные особенности человека, влияющие на смысл языковых выражений. При сопоставлении формальных высказываний действительности Л. Витгенштейн в итоге пришел к выводу о том, что в языке можно выразить не все знание: ценности и смыслы невыразимы в нем. С помощью языка передается информация, которой сам восприниматель придает ценность и наделяет ее смыслом.

Конечно, мы согласны с тем, что язык и логика – две нераздельные составляющие человеческого мышления, имеющие много общего. И язык, и логика возможны, благодаря своей символической специфике. В логике эта специфика проявлена более конкретно – как знаковая система или система семиотическая. Что, конечно, не исключает семиотичности для языка. Но «язык» как таковой – очень широкое понятие, поскольку он как способ бытия, имеет в своем арсенале вместе с семиотической также и звуковую, слуховую, мимическую,

жестовую и другие составляющие проявления и установления смыслов человеком [Делез, 1995].

Язык логики имеет свой аппарат, в основе которого лежат определенные структурные правила, они различны для различных логик. Для этого создается некая логическая конструкция абстрактных объектов или, как сказал бы Г. Файхингер, «фикций» – как принятых разумом абсолютно ложных допущений, задача которых заключается не в служении познанию, а в обеспечении возможности практической, полезной и целесообразной деятельности. Понятие «фикция» было введено в оборот Г. Файхингером в 1911 г., когда вышло в свет его сочинение «Философия Как-Если-Бы» [Vaihinger, 1911], где в основу был положен термин кантовской гносеологии «als ob» – «как если бы». Со временем фикциональная программа Г. Файхингера стала образцом программы анализа научного языка, составившей сущность логического позитивизма 20-х – 60-х годов XX в. [Дудник, Солонин, 2001]. Кроме этого, позже фикции в интерпретации Г. Файхингера были взяты за основу «Философии символических форм» Э. Кассирером [Кассирер, 2002], который отождествил их с символами и знаками, в итоге придав им общую характеристику – функциональную, т. е. и фикция, и символ, и знак – это функции в процессе мышления. С помощью символов человек фиксирует информацию, сохраняет ее, социально коммуницирует, т. е. взаимодействует с ее помощью [Кассирер, 1998].

Символы исторически изменчивы. Согласно В. А. Фриауфу, проследившему эволюцию символа, в древности он имел сакральное значение, но в настоящее время в некоторых цивилизованных странах символ инструментализировался и приобрел значение преимущественно утилитарно-функциональное [Фриауф, 2016]. Суть символа коммуникативная. С его помощью возможно оформление и передача информации. Но применение этой информации возможно только благодаря человеку, который принимает решения о том, с какой целью и в каких условиях она может быть полезной, исходя из ценностных приоритетов [Демидова, 2020]. В современной науке фикции активно применяются в составе методологических подходов (особенно в квантовой физике) как идеальные объекты, создаваемые в качестве инструментов познания, т. е. имеют методологическую функцию.

На наш взгляд, идеи Г. Файхингера, его последователей и других философов, например, М. Хайдеггера о языке как «доме бытия», – продолжение кантовского исследования «вещей в себе», «вещей самих по себе» и «вещей для нас». Это продолжение нашло свое выражение в рассмотрении философами «мыслительного процесса самого по себе» и, как следствие, «языка самого по себе».

Но можно ли рассматривать мыслительный процесс отдельно от мыслителя? Вряд ли. И в одной из последних работ И. Канта «Антропология с прагматической точки зрения» [Кант, 2010] мы можем наблюдать обращение кенигсбергского мыслителя не только к изучению познавательного процесса, но и к феноменам человеческой жизни в целом [Демидова, 2012, с. 15-21].

Ведь что такое «как если бы»? Это – словосочетание, сконструированное человеком посредством языковых средств. Рассмотрим его более детально. «Как» – это одновременно местоимение, частица, наречие и союзное слово, имеющие значения степени, отождествления, временных отношений и ограничения. «Если бы» – союз со значениями допущения и условиями совершения чего-нибудь в неопределенном временном плане

[Ожегов, Шведова, 1993, с. 265, 191]. В результате, словосочетание «как если бы» выступает в качестве связки, благодаря которой мог бы быть возможным предполагаемый переход из реального состояния в возможное или невозможное (в зависимости от смысла предположений), т. е. «как если бы» – это некое мысленное устремление к мысленно предполагаемой цели. В языке логики происходит подобный переход, и в этом переходе «как если бы» выступает в качестве инструмента мышления.

А существует ли зависимость языка логики от языка как такового? Да. Те проявления языка, о которых было сказано выше – звуковые, слуховые, мимические, жестовые и другие, в письменном выражении имеют грамматический способ своего обозначения. Он структурирован. И языки жителей разных стран структурированы по-разному.

Например, если мы сравним русский и немецкий языки, то увидим, что немецкий язык имеет определенную структурированность. В нем есть обязательные нормы построения предложения: глагол может занимать только то место, которое определено этими нормами. Первое место – в вопросительном предложении, последнее – в повествовательном. Если говорящий по-немецки человек, начав говорить, уже произнес приставку, отделяемую от глагола, которая ставится, согласно нормам повествовательного предложения, в начале предложения, то, договаривая это предложение, он должен произнести именно тот глагол, к которому относится эта приставка. В русском языке человек, если начал говорить и по какой-либо причине вдруг изменил ход своих мыслей, может изменить первоначально предполагаемые для употребления глаголы (и не только глаголы), и поэтому как угодно продолжить свои мысли. Подобная разница в структурированности немецкого и русского языков свидетельствует о том, что немецкий язык – более нормирован, а русский – наиболее ситуативен, гибок, изменчив и событийен, приспособлен к развитию возможностей [Демидова, 2008].

Вероятно, причины различий в степени грамматической структурированности иностранных языков – в социальных, культурных, коммуникативных особенностях и менталитете той или иной народности. Данное обстоятельство свидетельствует о социально-коммуникативной специфике языка, на что обратили свое внимание как отечественные, так и зарубежные исследователи творчества Л. Витгенштейна: «... занимаясь прояснением грамматики языковых игр и связанных с ними форм социальной организации человеческой деятельности, Витгенштейн, по сути, преобразовал концепцию философии в разновидность социального исследования» [Gunnell, 2014; Медведев, 2009, с. 36]. Несомненно, социальные, культурные, ментальные особенности языка оказывают влияние на его грамматику, а соответственно, на логику языка и мышления человека. Это значит, что язык имеет знаковый статус, зависящий от исходной понятийной, социально-коммуникативной и культурной системы, и является инструментом мышления. А как известно, любой инструмент имеет свой механизм действия. В случае с языком механизм активизирует его структуры (грамматические, синтаксические и другие) в целом. Поэтому возникает вопрос: что представляет собой этот механизм?

Если структура языка есть структура мышления, а структура есть основа системы, то сначала надо определиться, с каким видом языковой системы – естественной или искусственной – проводится исследование? Конечно, искусственный и естественный языки сильно отличаются, но оба они – языки, а поэтому, как мы можем предположить, имеют одинаковый механизм действия.

Вероятно, ответ на вопрос о механизме можно найти в понимании взаимосвязи структурных и системных аспектов языка. Структурные аспекты языка на высоком научном уровне проанализированы в работах современных исследователей Я. Розвадовского [Rozwadowski, 1960] и В. В. Мартынова [Мартынов, 1982]. Определений понятия «структура» в различных науках довольно много, но в целом они сводятся к ее пониманию как некой последовательности элементов системы и их упорядоченности по определенным принципам. Каждый элемент системы имеет свою функцию, поэтому структура статична, а система в случае функционирования ее элементов динамична. В идеальных (мыслительных) системах эти функции символические, в материальных – знаковые, т. к. знак есть материализованный символ. Отличие символа от знака в том, что символ есть осмысленное подобие, отражающее специфические признаки символизируемого объекта. С помощью символа возможно представление невербального знания (эмоционального, экспрессивного, например, музыкального), лежащего за пределами рациональности, но также принадлежащего к языковому способу представления знаний. «Невербальное знание находится за пределами рационального подхода к постижению мира, оно вне любой терминосистемы, будь то математика, лингвистика, паралингвистика и вся семиотика в целом» [Гордей, 2021, с. 9]. Но невербальное знание также представлено с помощью языка.

При изменении взаимосвязи функций элементов совершается переструктурирование системы, что свидетельствует о **рекурсивной** специфике систем. Именно рекурсия (от лат. *recursio* – возвращение) как принцип последовательного, упорядоченного замкнутого, т. е. повторяющегося и самовоспроизводимого действия, вероятнее всего, является принципом действия механизма языка как искусственного, так и естественного. Это возможно в случае понимания языка с позиций системного подхода, когда система есть совокупность взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимообусловленных элементов.

Считаем, что применение системного подхода к исследованию языка является наиболее перспективным по сравнению с логическим анализом. Австрийскому философу следовало бы руководствоваться критериями научности знания. Они известны со времен Аристотеля, основные из них – системность и достоверность знания. В этом случае язык следует рассматривать с позиций органицизма и эволюционизма как классических и неклассических методологических позиций, дополнив их (но уже в наше время современными учеными) постнеклассическим исследованием на основе синергетического подхода. При этом следует учитывать, что данные подходы в совокупности применимы для изучения скорее естественных, а не искусственных языков, что указывает на субъекто-нейтральную, либо субъекто-участвующую в языковом процессе позицию индивида.

Принцип рекурсии как «принцип самовоспроизведения и одновременного усложнения системы согласно алгоритму собственного разворачивания по аналогии» [Зайченко, 2010, с. 23] является основой рекурсивной парадигмы, развитие которой в современной постнеклассической науке связано с изучением вопросов воспроизводства, функционирования, изменения самоорганизующихся систем, к числу которых можно причислить и язык, особенно в его естественной разновидности. Перспективности данного направления дальнейшего изучения языка способствуют современные достижения психологии мышления: «... установлено наличие трех основных свойств самоорганизации мышления, реализуемых посредством рекурсии: автономности мыслительной системы, ее воспроизводстве и обеспечении положительной обратной связи» [Даутов, Белоусова,

2022, с. 21]. «Рекурсия позволяет придавать определенное значение неизвестным сигналам, превращая их в информацию <...> При этом рекурсивное описание мыслительных процессов, когда для создания модели мыслительного акта в нее включаются результаты описания предыдущих актов мышления, обеспечивает функцию самовоспроизведения системы, как необходимого условия его самоорганизации <...> Рекурсия запускает последовательный цикл самоорганизации мышления, где каждый предыдущий этап подготавливает последующий <...> Замкнутость по мере усиления рекурсивных процессов мышления и формирования границы между его внутренним содержанием и внешним окружением способствует развитию самореферентности, обеспечивающей самовоспроизведение мыслительной системы» [Там же, с. 27]. Рекурсивная структура мышления может свидетельствовать и о рекурсивной структуре языка, поэтому автор статьи предлагает альтернативное решение проблемы: направление изучения языка на основе рекурсивной парадигмы, системного и синергетического подходов. Перспективность рекурсивной парадигмы, развитие которой в современной постнеклассической науке связано с изучением вопросов воспроизводства, функционирования, изменения самоорганизующихся систем, к числу которых относится язык, обусловлена современными достижениями науки.

Таким образом, исследование языка, предпринятое Л. Витгенштейном, проводилось преимущественно в русле классической рациональности. Преобладающее применение логического метода к такому естественному феномену человеческой деятельности, как язык, методологически неверно, т. к. естественный язык в своей структуре содержит большую долю эмоций, чувств, относящихся к эмпирическому миру. Поэтому ценные и полезные результаты логического анализа, предпринятого Л. Витгенштейном, следует дополнить эмпирической методологией и исследовать язык, основываясь на рекурсивной парадигме, системном и синергетическом подходах. Но это очень сложная задача, т. к. язык напрямую связан с сознанием и психикой человека. А на сегодняшний день и тем более во времена, когда проводил свои исследования Л. Витгенштейн, еще не сложилась универсальная концепция, описывающая деятельность сознания и психики человека. Поэтому почти все современные исследования относительны, у каждого ученого свое понимание языка, которое обусловлено его ценностным миром.

Список литературы / References

Витгенштейн, Л. (1994). Логико-философский трактат. *Витгенштейн Л. Философские работы*. В 2 ч. Ч. I. Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М. Гнозис. С. 1-73.

Wittgenstein, L. (1994). A Logical and Philosophical Treatise. In *Wittgenstein L. Philosophical works*. In 2 parts. Part I. Kozlova, M. S., Aseev Yu. A. (transl.). Moscow. pp. 1-73. (In Russ.)

Гордей, А. Н. (2021). О декларативном и процедуральном представлении знаний. *Иностранные языки в высшей школе*. № 3(58). С. 5-12. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.001

Hardzei, A. (2021). On Declarative and Procedural Knowledge Representation. *Foreign Languages in Tertiary Education*. No. 3(58). Pp. 5-12. DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.001 (In Russ.)

Даутов, Д. Ф., Белоусова, А. К. (2022). Роль рекурсии в самоорганизации мышления. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. Т. 32. № 1. С. 21-29. DOI: 10.35634/2412-9550-2022-32-1-21-29

Dautov, D. F., Belousova, A. K. (2022). The role of recursion in the self-organization of thinking. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. Vol. 32. no. 1. pp. 21-29. DOI: 10.35634/2412-9550-2022-32-1-21-29 (In Russ.)

Делез, Ж. (1995). *Логика смысла*. М. Академия. 297 с.

Delez, Zh. (1995). *The logic of meaning*. Moscow. 297 p. (In Russ.)

Демидова, М. В. (2012). «*Animal symbolicum*» Э. Кассирера и научное знание XX века: философский анализ. Под ред. проф. В. А. Фриауфа. Deutschland, Saarbrucken. LAP LAMBERT Academic Publishing. Изд-е 2-е, дополненное. 177 с.

Demidova, M. V. (2012). “*Animal symbolicum*” by E. Cassirer and scientific knowledge of the twentieth century: philosophical analysis. Friauf, V. A. (ed.). Deutschland, Saarbrucken. 177 p. (In Russ.)

Демидова, М. В. (2020). Методологические парадоксы в культурно-цивилизационной парадигме О. Шпенглера и междисциплинарность современной науки. *Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность: сборник научных статей (материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность», 12 ноября 2020 г., Ижевск)*. Под ред. Г. В. Мерзляковой, Л. В. Баталовой, С. А. Васюра, С. А. Даньшиной, Е. А. Калач, О. В. Меншатовой, Е. И. Михалевой. Ижевск. Издательский центр «Удмуртский университет». С. 546-562.

Demidova, M. V. (2020). Methodological paradoxes in O. Spengler's Cultural and Civilizational paradigm and the interdisciplinarity of modern science. In Merzlyakova, G. V., Batalova, L. V., Vasyura, S. A., Danshina, S. A., Kalach, E. A., Menshatova, O. V., Mikhaleva, E. I. (eds.). *Current Trends in Social Communications: History and Modernity. Collection of Scientific Articles (Materials of the International Scientific and Practical Conference “Current Trends in Social Communications: History and Modernity”, November 12, 2020, Izhevsk)*. Izhevsk. pp. 546-562. (in Russ.)

Демидова, М. В. (2008). Язык логики. *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке*. Материалы X научной конференции. СПб. С. 343-346.

Demidova, M. V. (2008). Logic language. In *Modern Logic: Problems of Theory, History and Application in Science*. Materials of the X Scientific Conference. St. Petersburg. pp. 343-346. (in Russ.)

Дудник, С. И., Солонин, Ю. Н. (2001). Фикционализм: опыт историко-философской реконструкции. *Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры*. СПб. Санкт-Петербургское философское общество. С. 178-196.

Dudnik, S. I., Solonin, Yu. N. (2001). Fictionalism: the experience of historical and philosophical reconstruction. In *Paradigms of Historical Thinking of the Twentieth Century: Essays on Modern Philosophy of Culture*. St. Petersburg. pp. 178-196. (in Russ.)

Зайченко, М. А. (2010). К проблеме присутствия рекурсивного принципа в феноменах-конструктах философии. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. Т. 4. № 4. С. 23-26.

Zaychenko, M. A. (2010). On the issue of presence of a recursive principle in the constructs of philosophy. *Herald of Vyatka State University*. Vol. 4. no. 4. pp. 23-26. (In Russ.)

Кант, И. (2010). *Антропология с прагматической точки зрения*. М. 194 с.

Kant, I. (2010). *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Moscow. 194 p. (in Russ.)

Кассирер, Э. (1998). *Избранное. Опыт о человеке*. М. Гардарика. 784 с.

Kassirer, E. (1998). *Selected essays. Favorites. Experience about a Person*. Moscow. 784 p. (in Russ.)

Кассирер, Э. (2002). *Философия символических форм*. В 3-х т. М. СПб. Университетская книга.

Kassirer, E. (2002). *Philosophy of Symbolic Forms*. In 3 vols. Moscow. St. Petersburg. (in Russ.)

Мартынов, В. В. (1982). *Категории языка. Семиологический аспект*. М. Наука. 192 с.

Martynov, V. V. (1982). *Language Categories. The Semiological Aspect*. Moscow. 192 p. (in Russ.)

Медведев, Н. В. (2009). *Философия Людвиг Витгенштейна и проблемы понимания иных культур*. Тамбов. Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 382 с.

Medvedev, N. V. (2009). *The Philosophy of Ludwig Wittgenstein and the Problems of Understanding other Cultures*. Tambov. 382 p. (in Russ.)

Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1993). *Толковый словарь русского языка*. М. АЗЪ. 907 с.

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1993). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow. 907 p. (in Russ.)

Соссюр, Ф. (2004). *Курс общей лингвистики*. М. Едиториал УРСС. 256 с.

Saussure, F. (2004). *Course of General Linguistics*. Moscow. 256 p. (in Russ.)

Сухарева, В. А. (2022). Перспективы аналитической метафизики. *Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития: сборник научных трудов*

Международной научной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя Института философии и права СО РАН В. В. Целищева, Новосибирск, 25-26 февраля 2022 г. Под ред. А. В. Хлебалина. Новосибирск. Офсет ТМ. С. 122-127. DOI 10.47850/S.2022.1.18

Sukhareva, V. A. (2022). Prospects for Analytical Metaphysics. In Khlebalin, A. V. (ed.). *Analytical Philosophy: Trajectories of History and Vectors of Development. Collection of Scientific Papers of the International Scientific Conference Dedicated to the 80th anniversary of the Scientific Director of the Institute of Philosophy and Law SB RAS V. V. Tselishchev, Novosibirsk, February 25-26, 2022.* Novosibirsk. pp. 122-127. DOI 10.47850/S.2022.1.18 (in Russ.)

Фриауф, В. А. (2016а). Символьные формы изначального языка и культа. *Парадигма: философско-культурологический альманах.* № 23(23). С. 7-25.

Friauf, V. A. (2016a). Symbolic forms of the original language and cult. *Paradigm: Philosophical and Cultural Almanac.* no. 23(23). pp. 7-25. (in Russ.)

Фриауф, В. А. (2016б). О начале языка. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика.* Т. 16. № 3. С. 292-296. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-292-296

Friauf, V. A. (2016b). About the Beginning of the Language. *News of Saratov University. A new series. Philosophy. Psychology. Pedagogy.* Vol. 16. no. 3. pp. 292-296. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-292-296 (in Russ.)

Хлебалин, А. В. (2004). *Категория сущности и аналитический метод: дис. ... канд. филос. наук.* Новосибирск. Новосибирский государственный педагогический университет. 163 с.

Khlebalin, A. V. (2004). *Entity category and analytical method. Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences.* Novosibirsk. Novosibirsk State Pedagogical University. 163 p. (in Russ.)

Целищев, В. В., Хлебалин, А. В. (2021). Понимание в математике и следование правилу Витгенштейна. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* № 61. С. 29-37. DOI: 10.17223/1998863X/61/4

Tselishchev, V. V., Khlebalin, A. V. (2021). Understanding in mathematics and wittgenstein's rulefollowing. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* no. 61. pp. 29-37. DOI: 10.17223/1998863X/61/4 (in Russ.)

Gunnell, J. G. (2014). *Social inquiry after Wittgenstein and Kuhn. Learning everything as it is.* New York. Columbia University Press. 272 p.

Rozwadowski, J. (1960). Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. *Wybór pism.* Vol. 3. *Językoznawstwo ogólne.* Warszawa. PWN. pp. 21-95. (in Polish)

Rozwadowski, J. (1960). The meaning and meaning of words. *General linguistics.* Vol. 3. Warsaw. pp. 21-95. (in Polish)

Vaihinger, H. (1911). *Die Philosophi des Als-Ob. System der theoretischen, praktischen und religiösen Fiktionen Menschheit, auf Grund eines idealistischen Positivismus*. Berlin. (In Deutsch)

Vaihinger, H. (1911). *The philosophy of as if. The system of theoretical, practical and religious fictions of mankind, based on idealistic positivism*. Berlin. (In Deutsch)

Сведения об авторе / Information about the author

Демидова Марина Владимировна – кандидат философских наук, свободный исследователь, г. Энгельс, e-mail: demidovamv@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3424-2115>

Статья поступила в редакцию: 10.02.2023

После доработки: 04.03.2023

Принята к публикации: 20.03.2023

Demidova Marina – Candidate of Philosophical Sciences, a free researcher, Engels, e-mail: demidovamv@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3424-2115>

The paper was submitted: 10.02.2023

Received after reworking: 04.03.2023

Accepted for publication: 20.03.2023